

¹ Потебня А.А. Этимологические заметки // РФВ. Т. IV, 1880, 212.

² Варбот Ж.Ж. Праславянская морфонология, словообразование и этимология. М., 1984, 104. См. еще о вероятности присутствия *s-mobile* в праслав. **starati(se)* при возведении последнего к **ter-* 'тереть': Она же. Об этимологии глагола *стараться*. // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова). М., 1995, 81–82.

В.Э. Орел*

ПРАСЛАВЯНСКИЕ И ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

Памяти моего учителя
Леонида Гиндина

Слав. **mirъ*

Общеславянское слово **mirъ*, пережившее достаточно типичную для этого круга понятий семантическую эволюцию от значений типа 'дружба, согласие, спокойствие' к социально и концептуально насыщенным понятиям 'мир, свет' и 'община, общество', 'народ, люди' (последние – исключительно в восточнославянском, см. СРНГ 18, 170; Гринченко П, 426)¹, едва ли может вызвать какие-либо сомнения в том, что касается его принадлежности к и.-е. **mēi-* 'связывать' (Pokorny I, 711 – 712)². Однако наличие – пусть даже верной – корневой этимологии еще не влечет за собой ясности в деталях и не характеризует слово **mirъ* с точки зрения его деривационной истории и, в особенности, его положения в кругу близких индоевропейских форм. В этом смысле существенно то обстоятельство, что у слав. **mirъ* отсутствуют или, по крайней мере, не фигурируют в явном виде точные цельнолексемные соответствия в других индоевропейских языках, прежде всего, в балтийском, поскольку ст.-лит. *mieras* 'мир, покой' (в Катехизисе 1547 г.) и лтш. *miērs* то же все-таки должны рассматриваться как старые славянские заимствования³.

Выводя за рамки этимологии как таковой указанные балтийские формы, мы сразу же резко сокращаем весь объем сопоставления. При этом основным и ближайшим соответствием слав. **mirъ* оказывается славянская же форма **milъ* 'милый, любимый' (ЭССЯ 19, 56), которая как раз в отличие от **mirъ* имеет совершенно очевидные балтийские связи – лит. *mielas* 'милый', лтш. *mīls* то же, др.-прус. *mijls* то же. Однако, обнаруживая несомненное родство с **mirъ* и близость к нему в семантическом плане (при том, в самом архаичном значении **mirъ*),

* © В.Э. Орел

форма **mirъ*, будучи вполне несомненным отглагольным прилагательным на *-*lo-*, по-прежнему оставляет интересующее нас слово в полной словообразовательной изоляции⁴.

Корневой характер имеет и родство **mirъ* с др.-инд. *mitrá-* 'друг; договор'⁵, авест. *miθra* 'дружба; договор; божество договора'. Однако высказывалось и предположение о другом характере связи между славянским и иранским словами: некоторые исследователи допускали здесь заимствование из иранского в славянский через стадии постепенного упрощения на иранской почве консонантной группы -θr- > -hr- > -r-⁶. Развитие этого типа характерно для северо-западной группы иранских языков, в отличие от юго-западного иранского, где -θr- дало бы -s-, и от восточноиранского, где -θr- либо сохранялось, либо подвергалось метатезе (а на значительно более поздней стадии упрощалось в -r-)⁷. Однако, как уже справедливо отмечалось (ЭССЯ 19, 57), славянский усваивал иранизмы как раз из той восточноиранской (а именно, скифо-сарматской) ветви, где сочетание -θr- или -tr- должно было бы сохраниться⁸. Таким образом, для принятия версии о заимствованном характере слав. **mirъ* нет достаточных оснований. Следовательно, слав. **mirъ* имеет лишь корневые, но не словообразовательные связи.

В этимологической литературе изредка, в ряду иных корневых соответствий (таких, например, как ирл. *móith* 'нежный'), упоминается и алб. *mirë* 'хороший'⁹. Нередко, ввиду значения и морфологической характеристики, оно рассматривается как корневая параллель к слав. **mirъ* (ЭССЯ 19, 47). Между тем, для слав. **mirъ*, не имеющего никаких сколько-нибудь серьезных словообразовательных соответствий, албанское прилагательное исключительно важно, поскольку оно, будучи точным аналогом **mirъ* в деривационном смысле, отражает редкую по конфигурации славяно-албанскую изоглоссу без участия балтийского и, в то же время, проливает свет на словообразовательную модель, лежащую в основе слав. **mirъ*.

В отличие от подавляющего большинства албанских прилагательных, в которых было проведено обобщение одной из праалбанских акцентных моделей, алб. *mirë* представляет собой архаизм, восходящий в праалбанском к незасвидетельствованному у существительных подвижному типу (типу *C*): ед.ч. **mirá* ~ мн.ч. **mirō*¹⁰. Как было показано в другом месте¹¹, этот тип подвижности у прилагательных взаимно дополнителен с неподвижным акцентным типом *A* у праалбанских существительных, который, в свою очередь, регулярно соответствует индоевропейским основам с окситонезой. Таким образом, соответствие алб. *mirë* < **mirá* ~ слав. **mirъ* (а.п. *c*)¹² безукоризненно и в акцентологическом плане.

Сопоставление славянского слова с албанским существенно и еще в одном отношении: оно так или иначе требует от нас отказать на понимание формы **mirъ* как исходного существительного с архаичным

суффиксальным *-r- того же характера, что и в слав. *darъ ~ греч. δᾶρον¹³. Скорее, ввиду грамматического статуса алб. *mirë*, естественно было бы видеть в славянском субстантивированное прилагательное на *-ro- типа *rъdrъ 'красный' или *ostrъ 'острый' – в соответствии с пронизательным замечанием Мейе¹⁴. В таком случае, скорее всего не имеет прямого характера и семантическая деривация от значения корня *mēi- 'связывать' к *mirъ 'дружба, согласие, спокойствие' – развитие здесь должно было быть опосредовано адъективным значением 'милый, любимый'. В целом же, у нас есть достаточные основания, чтобы говорить о славяно-албанской изоглоссе, четко выделяющейся на фоне других корневых соответствий *mēi-.

Слав. *рахъ

Наряду с вынесенной в заголовок формой, обозначающей 'пах' (болг. *пах*, чеш. *пах*, рус. *пах*), могут с уверенностью реконструироваться и формы *раха, а также *раху, род. пад. *рахъве со значением 'подмышка': польск. *раха*, рус. *пах*, укр. *пах*, *пахва*, блр. *пахва* (Фасмер III, 220). Оставляя в стороне давно оставленные за некорректностью или необоснованностью сближения¹⁵, убеждаемся в том, что и формально приемлемые этимологии слав. *рахъ едва ли могут рассматриваться сегодня как правдоподобные. Вопреки Брюкнеру (Brückner, 389), случайный характер носит сходство нашего слова с чеш. *paže* 'плечо', словац. *podpažie* 'подмышка' (к *разъ?). С другой стороны, не слишком привлекательна идея о родстве *рахъ с др.-инд. *paśā* 'часть тела, сторона, бок' (Педерсен *apud* Фасмер III, 220), но также (и в первую очередь!) 'крыло, перо'.

Известные проблемы порождаются, собственно говоря, не только семантикой слова (о чем ниже), но и особенностями его звукового строения, прежде всего, наличием немотивированного в историко-фонетическом плане интервокального *-х-. Как и в других подобных случаях, этимолог вынужден либо искать вне славянского материала соответствия, содержащие срединное сочетание *-ks-, что в данном случае не сулит серьезных результатов, либо исходить, оставаясь в рамках славянского, из презумпции аналогического или суффиксального происхождения *-х-.

Само сочетание значений 'пах' и 'подмышка' в одном слове достаточно ясно указывает на то, какой могла быть его исходная семантическая структура. Несомненно, перед нами не старое название части тела, а инновация, направленная на то, чтобы создать анатомический термин, который восполнял бы лакуны старой, унаследованной от индоевропейского системы наименований; в этой системе, как известно, имелась лишь сравнительно скудная номенклатура конечностей и, в особенности, с г и б о в и с о е д и н е н и й конечностей. Видимо, и в нашем случае речь идет о создании термина типа *iūnctūra* или *iūnctus* (на основе *iungō* 'соединять'), а значит, можно было бы

предполагать и похожую мотивацию, лежащую в основе слав. **рахъ*.

Исходя из этого, кажется перспективным сопоставление слав. **рахъ*, **раха* 'пах, подмышка' ← 'соединение' с **rojiti* ~ **rajati* 'связывать, соединять' (и далее – 'паять', если только **rajati* в этом значении не является омонимом, продолжающим **rojiti* 'поить', см. Фасмер III, 224; Machck² 468). Хотя большее распространение получило префиксальное образование **сьrojiti* ~ **сьrajati*, бесприставочная форма **rojiti* также сохранилась в западнославянском: чеш. *rojiti*, польск. *poić*. В таком случае **рахъ* так же относится к **rajati* ~ **rojiti*, как **махъ* и **махати* – к **majati*, **смѣхъ* – к **смьjati* (*se*), **грѣхъ* – к **грѣ(ja)ti* и **спѣхъ* – к **спѣti* (ср. ЭССЯ 7, 115), то есть представляет собой образование с суф. **-х-* из старого **-s-*. Существенной особенностью (применительно как к **рахъ*, так и к **махъ*) является, правда, то, что эволюция **-s-* > **-х-* не обусловлена фонетическими факторами (в отличие от **смѣхъ*, **грѣхъ* и **спѣхъ*) и, видимо, осуществилась по аналогии, примерно так же, как подобный процесс протекал во флексии¹⁶.

Рус. парень

Слово *парень* фиксируется, судя по последним данным, только в конце XVI в.¹⁷ и исходно ограничивалось только великорусскими говорами, поскольку редкое укр. *парень* (Гринченко III, 96) следует, видимо, считать русским заимствованием¹⁸. Этимологически эта лексема остается совершенно неясной. Старое объяснение, видевшее в *парень* уменьшительное от *паробок* (Фасмер III, 206), неприемлемо в словообразовательном плане. Пришедшая ей на смену изобретательная версия В.Н. Топорова¹⁹, толкующая слово *парень* как глубоко архаичный термин восточнославянской социальной организации, усвоенный из иранского *parna* < **xvarna-*, основывается на неверной интерпретации ряда иранских фактов и настолько преувеличивает место соответствующих значений в семантической иерархии иранского слова, что, в конечном счете, только отдаляет нас от этимологической интерпретации данного позднего славянского локализма.

Варианты слова *парень*, как оно фиксируется в словарях (Даль III, 18, 21; СРНГ 25, 223 и 250), особенно же *паря*, как будто бы, однозначно свидетельствуют о корректности реконструкции формы **pare*, род. пад. **parete* (при всей принципиальной ее условности в данном случае), а значит, и об именном характере слова *парень*. Вместе с тем, вся совокупность употреблений этого слова позволяет рассматривать его не только как термин социально-возрастной классификации (*парни* как молодые неженатые мужчины), но и как более интимный термин добрачного деревенского флирта, входящий в синонимический ряд *миленок*, *дроля*²⁰ и т.п.

Указанные выше «граничные условия» практически не оставляют нам выбора: слово *парень* должно быть производным от существи-

тельного *пар* или *пара*, так чтобы это соотношение удовлетворяло одной из моделей образования любовных прозвищ. Как можно думать, этим требованиям удовлетворяет рус. *пар, пара* в специфическом значении 'душа, дух, жизнь, животная теплота' (Даль III, 20). Сходная в семантическом плане деривация известна достаточно широко, ср. *душка, душенька, жизненок* 'милый, любезный, желанный, жадобный, жизнь моя' (Даль I, 504, 541). Использование слова *парень* как социального термина приходится в таком случае рассматривать не как начальный, а как конечный результат семантической эволюции.

Примечания

- ¹ *Aksamitaў А.С.* Дыялектызмы і архаізмы у беларускім сіročым вяселлі // Народнае слова. Мінск, 1976, 190; *Крыўіцкі А.А. і др.* Тураўскі слоўнік. III. Мінск, 1985, 82.
- ² Едва ли приемлемо сопоставление этого слова, точнее, одного из предполагаемых омонимов (**miǝg* 'дружба, согласие, спокойствие'), с лит. *rimti* 'быть спокойным, успокоиться', что существенно осложняло бы формальную сторону этимологии допущением метатезы. См.: *Otrebski J.* Studia indoeuropeistyczne. Wilno, 1949, 80; *Machek²*, 364.
- ³ Так см. уже: *Буза К.* Lituanica // ИОРЯС XVII, 1, 1912, 16, несмотря на неоднократно высказывавшуюся противоположную точку зрения (ср., например: *Эндзелін И.* Славяно-балтийские этюды. Харьков, 1911, 197; *Фасмер II*, 626). Мнение о заимствованном характере названных балтийских форм разделяется в самое последнее время и в ЭССЯ 19, 57, где, по-видимому, предполагается, что они восходят к форме с вторичной огласовкой – **mēr̥s*. Однако едва ли есть необходимость в этом допущении (мотивированном, вероятно, желанием дать корректное фонетическое толкование для лит. *-ie- ~ лтш. -ie-*), поскольку известны и другие случаи такой передачи слав. **-i-*, ср. например, лтш. *krievs* 'русский'. Отмечая этот случай, Буза (Там же) трактует его как отражение диалектной дифтонгизации в древнерусском, что подтверждается, возможно, и рядом финских заимствований из восточнославянского.
- ⁴ Это в известной степени признают и те, кто стремится по возможности свести этимологию **mirǝ* к его сравнению с **miľ*: «Разница между **miľ* и **mirǝ*, в сущности, носит суффиксальный [...] хотя и древний характер» (ЭССЯ 19, 47).
- ⁵ О значениях этого слова см.: *Thieme P.* Mitra and Aryaman. Connecticut, 1957, *passim*.
- ⁶ См.: *Топоров В.Н.* Из наблюдений над этимологией слов мифологического характера. // Этимология 1967. М., 1969, 19, и, независимо от него, *Абаев В.И.* Несколько замечаний к славянским этимологиям // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971, 11. Подробные, хотя и несколько туманные рассуждения относительно социальных категорий, стоящих за слав. **mirǝ*, предлагаются – на основе этой этимологии В.Н. Топорова – в статье: *Иванов В.В.* Происхождение семантического поля славянских слов, обозначающих дар и обмен // Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов. М., 1975, 60–66.
- ⁷ См.: Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979, 101–102.
- ⁸ Впрочем, это бесспорно только до некоторого хронологического среза, после которого следует еще решить проблему разнобоя в рефлексах, ср. осет. *furt* 'сын' < **putr* при более фонетически продвинутом *xsar* 'власть' < **xsar̥t*.
- ⁹ См.: *Vasmer M.* Studien zur albanesischen Wortforschung. Dorpat, 1921, 43 f, откуда оно впоследствии перекочевывает и в некоторые другие словари. Интересно, что в «Этимологическом словаре славянских языков» оно, s.v. **mirǝ*/**mira* отсутствует. Слово *mirǝ* лексикографически описывается в *Kristoforidhi* 213–214; *Buchholz O. et al.* Wörterbuch Albanisch–Deutsch. Leipzig, 1977, 325.
- ¹⁰ О реконструкции праалбанского ударения и его связи с индоевропейским см.: *Орел В.Э.* К реконструкции древнеалбанских акцентных отношений (в сопоставлении со славян-

- скими и другими индоевропейскими языками) // Советское славяноведение, 1982, 5, 83–90; Orel V.E. Albanian nominal inflexion: Problems of origin. // Zeitschrift für Balkanologie, 1983, XIX, 2, 121–130; *Idem*. Der indogermanische Akzent im Albanischen // Zeitschrift für Balkanologie, 1987, XXIII, 2, 140–150.
- ¹¹ См.: Orel V.E. Fragen der vergleichenden und historischen Grammatik des Albanischen // Zeitschrift für Balkanologie, 1986, XXII, 1, 86–87.
- ¹² О принадлежности **mǐgь* к акцентной парадигме с см., например: Дыбо В.А. Славянская акцентология. М., 1981, 93 (относительно производного **mǐgьль*); Зализняк А.А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985, 137.
- ¹³ Ср.: Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955, 36.
- ¹⁴ См.: Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951, 282.
- ¹⁵ Как, например, предполагавшаяся связь **paхь* с **paхnqti* (Преображенский II, 30). Впрочем, заслуживает внимания любопытная семантическая интерпретация, лежащая в основе этой этимологии и ориентированная на внутреннюю реконструкцию значения ('тяжело дышать' для **paхnqti*, что позволяет автору далее использовать речения типа *vodить пахами* (о лошади), то есть 'тяжело дышать, двигая подреберной частью боков'.
- ¹⁶ Предложенная выше внутренняя реконструкция **paхь* как 'соединения', 'счленения' заставляет задуматься и об этимологическом статусе **paхati* 'пахать, копать', строго говоря, представленного только в польск. *paсhać* и рус. *пахать* (отношение к ним чеш. *páchatí* и словац. *páchat'* 'делать, совершать, учинять', вообще говоря, не столь очевидно). Не исключено, что перед нами отыменное образование, образованное от того же **paхь* как обозначения сохи, зрительно напоминающей раздвоенные сочленения паха и подмышки.
- ¹⁷ По данным Картотеки «Словаря русского языка XI – XVII вв.», согласно указанию в кн.: Из истории русских слов. М., 1993, 129.
- ¹⁸ Едва ли сюда относится чеш. *párák* 'халтурщик' (ср. Преображенский II, 18; Фасмер III, 206 – в обоих словарях форма приводится неточно), которое более или менее бесспорно может быть увязано с *páрати se*.
- ¹⁹ См.: Топоров В.И. О происхождении нескольких русских слов: (К связям с индоиранскими источниками) // Этимология 1970. М., 1972, 23–37. Впервые эта этимология вскользь была упомянута в работе: Тревер К.В. Древнеиранский термин *parna* (К вопросу о социально-возрастных группах) // Изв. АН СССР. Сер. истории и философии, 1947, 1, 84.
- ²⁰ О последнем см.: Варбот Ж.Ж. Заметки по славянской этимологии. // Этимология 1970. М., 1972, 78–81.

А.А. Калашников*

ПОЛЬСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ. I

Pusto и *puślisko*

Существительное *pusto* приводится в Варшавском словаре в значении 'ремень, соединяющий стремя с седлом' (Варшавский словарь V, 438). Там же приведены и формы *puślisko* и *poślisko* (последняя охарактеризована как старая), в том же значении. Какие-либо контексты или ссылки на источники отсутствуют. Авторы Варшавского словаря не предложили объяснения для данных слов. С.Б. Линде

* © А.А. Калашников